

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А.А. ЖДАНОВА

Юридический факультет

М.Л. ЯКУБ

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯ,
ПОТЕРПЕВШЕГО И ОБВИНЯЕМОГО
(при окончании предварительного расследования и при
постановлении приговора)

(специальность 12.715— уголовное право
и уголовный процесс)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Ленинград—1970 г.

1134

Диссертация выполнена на Юридическом Факультете
Московского Государственного университета им.
М.В.Ломоносова

Официальные оппоненты:

доктор юридических наук, профессор А.Н.Васильев
доктор юридических наук, профессор П.С.Элькинд
заместитель Прокурора РСФСР,
кандидат юридических наук В.В.Клочков

Ведущее высшее учебное заведение: Всесоюзный
Юридический Заочный институт.

Защита диссертации состоится 1 июля 1970 г.
на заседании Ученого Совета Юридического Факультета
Ленинградского Государственного Университета
(Ленинград, С-124, ул. Смольного, д. 3, зал № 2)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Университета.

Автореферат разослан 30 мая 1970 г.

Ученый секретарь
Совета

Г.П.ЛЕВЧЕНКО

Программа Коммунистической партии Советского Союза, руководствуясь ленинскими принципами социалистической демократии и законности, ставит задачу дальнейшего развития и совершенствования демократических основ правосудия, как и процессуально-го законодательства в целом, дальнейшего укрепления социалистической законности в следственной и судебной деятельности.

Укрепление законности в уголовном процессе должно выражаться как в усилении борьбы с преступностью, так и в соблюдении и развитии процессуальных гарантий личности, в неуклонном осуществлении задач, предусмотренных ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик^{1/} (ст.2 УПК^{2/}).

Необходимым условием разрешения этих задач является установление объективной истины по делу.

Оценка доказательств, как и в целом процесс исследования фактических обстоятельств дела, направлена на осуществление задач уголовного судопроизводства, подчинена интересам установления объективной истины.

Показания свидетеля, потерпевшего и обвиняемого оцениваются судом, прокурором и лицом, производящим расследование, на общих для оценки всех доказательств началах, закрепленных в законе. Но каждый источник доказательств (средство доказывания), каждый их вид, будь то показание свидетеля или вещественное доказательство, показание потерпевшего или заключение эксперта, показание обвиняемого или документ, характеризуется своими особенностями, отличающими их друг от друга. При оценке того или иного источника доказательств необходимо учитывать эти особенности.

В каждом отдельном случае источник доказательств, т.е. показание того или иного свидетеля, заключение того или другого эксперта и т.п., имеет свои индивидуальные свойства (см. стр. 8). Они связаны с особенностями данного вида источника

1/ Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик в дальнейшем в автореферате именуется "Основами".

2/ Здесь и в дальнейшем имеются в виду статьи УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик.

доказательств, в них проявляются так или иначе эти особенности. Выявление и уяснение индивидуальных свойств источника доказательств является необходимым условием его оценки. Не определив их, нельзя сделать вывода о его доказательственной силе и значении.

При оценке каждого отдельного источника доказательств, в том числе показаний того или иного свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, общие начала, лежащие в основе оценки доказательств получают свое осуществление сообразно с особенностями данного вида источников доказательств и применительно к его индивидуальным свойствам.

Между тем одна из причин ошибок в оценке показаний свидетелей, потерпевших и обвиняемых, как показывает практика, состоит в том, что следствие и суд не учитывают тех или иных особенностей показаний как источников доказательств и их индивидуальных свойств и в связи с этим нарушают требования ст. 17 Основ (ст. 71 УПК).

Все это говорит о значении вопроса о процессуальных особенностях показаний свидетеля, потерпевшего и обвиняемого и о тех признаках показаний, по которым могут быть определены индивидуальные свойства каждого отдельного показания, а равно вопроса о том, как, каким путем должны осуществляться общие правила, регулирующие оценку доказательств, применительно к особенностям и индивидуальным свойствам показаний.

В связи с особенностями показаний всех этих лиц как источников доказательств весьма важное значение для их оценки имеет исследование психологии лиц, дающих показания. И не случайно судебной психологии уделяется в нашей науке все возрастающее внимание.

Рассматривая проблемы психологии лиц, дающих показания, нельзя забывать, что эти проблемы имеют не только психологический, но и процессуальный аспект. Исследование в уголовном деле данных о психологических факторах, могущих отразиться на показаниях, и использование этих данных при разрешении дела вызывает необходимость обсуждения и разрешения соответствующих процессуальных вопросов: о процессуальных способах и условиях их исследования, о требованиях, которым должны отвечать эти данные, для того чтобы их можно было положить в основу выводов по делу, об участии в деле специалиста-психолога и многие другие.

Поэтому развитие судебной психологии и использование познаний из области этой науки в следственной и в судебной практике обуславливают необходимость теоретических исследований не только психологической, но и процессуальной стороны возникающих проблем, в том числе названных вопросов.

В соответствии с изложенным в задачу диссертации входит исследование следующих вопросов.

1) О процессуальных особенностях показаний свидетеля, потер-

певшего и обвиняемого как источников доказательств и о связанных с ними признаках, по которым может быть дана характеристика индивидуальных свойств показаний, а равно о значении этих особенностей и свойств для оценки показаний.

2) Об осуществлении предусмотренных законом требований, регулирующих оценку доказательств, применительно к особенностям и индивидуальным свойствам показаний свидетеля, потерпевшего и обвиняемого.

3) О процессуальных условиях и порядке исследования данных о факторах, влияющих на полноту и достоверность показаний, и о требованиях, которым должны отвечать данные об этих факторах, положенные в основу решения по делу.

Рассмотрению этого предшествует характеристика общих положений оценки доказательств в советском уголовном процессе: задач и понятия оценки, принципа, закрепленного в ст.17 Основ (ст. 71 УПК), значения презумпции невиновности в их оценке. При этом характеризуются различия между оценкой доказательств как завершающим этапом доказывания в той или иной стадии производства по делу и оценкой доказательства в процессе их собирания и рассмотрения.

В задачу диссертации входит рассмотрение названных вопросов применительно к оценке достоверности показаний при окончании предварительного расследования и при постановлении приговора.

В своем исследовании автор руководствуется ленинскими идеями о демократии, законности и правосудии в социалистическом государстве и ленинской теорией познания — ее положениями об объективной истине, о соотношении между относительной и абсолютной истиной, о доступности для человеческого сознания объективно правильного отражения явлений и событий внешнего мира. Автор руководствуется указаниями В.И.Ленина о необходимости раскрытия каждого преступления, полного и всестороннего исследования обстоятельств дела и установления истины, об обоснованности обвинения как условия привлечения к уголовной ответственности.

На основе ленинских положений о классово-угнетательской сущности буржуазного правосудия, его задач и методов в диссертации показывается реакционный характер свойственный современному уголовному процессу империалистических государств отношения к показаниям обвиняемых и свидетелей и присущих ему тенденций в этой области.

В диссертации подчеркивается, что в оценке показаний свидетеля, потерпевшего и обвиняемого и в разрешении связанных с ней проблем получает последовательное выражение принципиальное отличие советского уголовного процесса от уголовного процесса эксплуататорских государств. Для характеристики теории и практики уголовного процесса империалистических государств в диссертации используются работы современных западно-германских и французских авторов.

Проблемам доказывания в нашей процессуальной науке всегда уделялось большое внимание, и советские ученые, в особенности за последние годы, внесли большой вклад в развитие теории доказательств. Но достигнутое не устраняет необходимости дальнейших научных исследований в данной области, в том числе вопросов оценки показаний свидетеля, потерпевшего и обвиняемого. Это обусловливается как интересами дальнейшего развития науки, так и потребностями практики.

Автором диссертации обобщена вся опубликованная, начиная с 1946 года, надзорная и кассационная практика Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР и следственная практика органов прокуратуры, а также изучалась практика народных судов и прокуратуры нескольких районов (гор. Москвы и Калининской обл.).

Изучение и обобщение практики показало, что ряд не исследованных в теории вопросов, возникающих в связи с оценкой показаний, получает правильное, весьма удачное разрешение в деятельности следственных и судебных органов, в одних случаях — в суде первой инстанции, в других — в судах кассационной или надзорной инстанций. Вместе с тем данные практики ставят под сомнение некоторые положения, высказанные в литературе.

С другой стороны изучение и обобщение практики показало имеющие место ошибки в оценке доказательств, связанные с неправильным отношением к особенностям различных видов показаний и к индивидуальным свойствам отдельных показаний. Такого характера ошибки выражаются, например, в следующем.

При оценке показаний свидетеля, потерпевшего и обвиняемого отношение следственных и судебных органов к тому или иному показанию, в частности к вопросу о возможности влияния на их достоверность каких-либо факторов, нередко предопределяется процессуальным положением субъекта показаний, а те черты, которые свойственны показаниям любого лица, независимо от его положения в деле, не учитываются. Это выражается в некритическом отношении к одним видам показаний (например, к свидетельским показаниям) и в предвзятом недоверии к другим (например, к показаниям обвиняемого, не признающего себя виновным). Такой подход выражается и в том, что при оценке показаний обвиняемого значение придается только его заинтересованности в исходе дела, а возможность влияния на достоверность показаний других факторов, в частности факторов, могущих быть причиной добросовестного заблуждения, игнорируется.

В практике встречается неправильное отношение к тем или иным признакам показаний (неконкретности, противоречивости и т.д.), по которым могут быть определены их индивидуальные свойства. Это выражается в одних случаях в том, что не придается значения этим признакам, в других — не выясняются их при-

чины (например, остаются без выяснения причины противоречия в показаниях, в частности — изменение показаний). В третьих случаях это выражается в формальном, предвзятом подходе к таким признакам при оценке показаний (например, противоречия независимо от их характера и причин рассматриваются как признак недостоверности их).

Имеет место пренебрежительное отношение к данным о факторах, могущих повлиять на достоверность показаний, например, к данным о субъективных качествах дающего их лица и о его состоянии в момент восприятия, об обстановке, в которой происходило восприятие, о внушении и о других факторах, связанных с условиями, в которых протекал процесс формирования показаний, игнорирование таких данных.

Встречаются случаи неправильного использования данных об этих факторах — нарушения при их использовании требований процессуального закона, предъявляемых к собиранию и исследованию доказательств. Это выражается 1) в том, что следователь и суд используют данные об этих факторах без надлежащей проверки и не установив их достоверности, 2) в том, что следствие и суд делают вывод о недостоверности показаний в силу наличия того или иного фактора, могущего быть причиной этого (например, заинтересованности, родственных отношений), не установив, являются ли показания его результатом, т.е. подходят к оценке значения этого фактора формально, с предубеждением.

В практике имеют место случаи неправильного отношения к предположительного характера умозаключениям свидетеля и потерпевшего, выражающегося в том, что им придается доказательственное значение.

Нередко как свидетели допрашиваются лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемого, и допрос их проводится таким образом, что по характеру вопросов, ставящихся перед допрашиваемым, ничем не отличается от допроса подозреваемого и обвиняемого. В этой связи существенное значение имеет вопрос о том, могут ли составлять предмет свидетельских показаний обстоятельства, указывающие на причастность или непричастность допрашиваемого к расследуемому преступлению.

Ошибки выражаются и в некритическом отношении к показаниям потерпевшего, а с другой стороны в отношении к ним как к показаниям лица, всегда заинтересованного в исходе дела, а потому не заслуживающим доверия.

Еще не изжиты случаи нарушения требований ч.2 ст. 77 УПК при оценке признания обвиняемого и предвзятого недоверия к показаниям обвиняемого, не признающего себя виновным.

Результаты изучения и обобщения следственной и судебной практики позволили наметить круг вопросов, требующих рассмотрения.

Показания свидетеля, потерпевшего и обвиняемого^{1/} рассматриваются в диссертации как разновидность общего единого понятия "показания". Особенности показаний каждого из этих лиц рассматриваются в единстве того общего, что присуще показаниям любого лица, независимо от его процессуального положения, и того специфического, что свойственно показаниям каждого из них.

Выяснению общих для всех видов показаний специфических черт, которые в равной мере присущи показаниям свидетеля, потерпевшего и обвиняемого, и значения этих черт для их оценки посвящена первая глава диссертации. Если особенности различных видов источников доказательств, в том числе показаний каждого из названных лиц, широко освещены в нашей процессуальной литературе, то вопрос об общих для всех показаний специфических чертах, а равно об общем понятии "показания" недостаточно исследован. Между тем, не учитывая этих черт, нельзя уяснить ни особенностей каждого вида показаний и индивидуальных свойств отдельного показания, ни значения того и другого для их оценки.

Показания всех указанных лиц в той части, в которой они имеют доказательственное значение, являются процессуальной формой сообщения сведений о расследуемых событиях и действиях, сохранившихся в памяти людей, теми процессуальными источниками, из которых следствие и суд устанавливают такие сведения. Этим определяются отличия показаний свидетеля, потерпевшего и обвиняемого от других источников доказательств и вместе с тем общность показаний всех этих лиц.

В связи с этим находятся и другие их общие отличительные черты.

1. Значение доказательств в показаниях имеют только содержащиеся в них фактические данные, которые известны свидетелю, потерпевшему и обвиняемому благодаря восприятию, т.е. воспринимаемым дающим показания либо непосредственно, либо из указанного им источника.

2. Предметом показаний всех указанных лиц являются обычно сведения, которыми дающий показания располагает до его вызова, во всяком случае, он вызывается на допрос для сообщения таких сведений.

3. Незаменимость субъекта показаний.

4. Устная форма (как правило) сообщения сведений как единственная форма сообщения.

5. Изложение показаний в процессуальных условиях допроса на предварительном следствии или в процессуальных условиях судебного следствия, порядок которых урегулирован законом. Какие-либо устные или письменные сообщения, сделанные свидетелем, по-

^{1/} Все сказанное далее об общих чертах показаний соответственно относится и к показаниям подозреваемого.

терпевшим или обвиняемым вне этих процессуальных условий, не могут рассматриваться как показания.

Первые три из названных черт относятся обычно в нашей процессуальной литературе к особенностям свидетельских показаний, в то время как они характеризуют показания всех названных лиц. Необходимо подчеркнуть и значение устности как единственно возможной (как правило) формы показаний, что также отличает их от всех других источников доказательств.

Из всего изложенного следует, что фактические сведения, получаемые из показаний как свидетеля и потерпевшего, так и обвиняемого, ноступают на предварительное и судебное следствие в том виде, в котором они получили отражение в сознании и в изложении дающего показания, т.е. преломленными через его сознание и речь, изложенную в условиях допроса, либо, в случае ложных показаний, имеют характер преднамеренно искажающих действительность вымышленных сведений.

х х х

При оценке показаний от содержащихся в них фактических данных необходимо отсеять (мысленно) все не относящееся к делу и все то, что не может служить доказательством, т.е. недопустимо как доказательство.

Не имеют значения доказательств как в показаниях свидетеля и потерпевшего, так и в показаниях обвиняемого предположения, доводы, объяснения фактов и данные, источник которых неизвестен дающему показания. Недопустимы как доказательства и сведения, сообщенные с показаниях лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетелей (п.п. 1 и 2 ст.72 УПК), если вопреки закону они были допрошены. Не могут служить доказательствами данные, полученные в результате допроса, проведенного с применением насилия, угроз и других незаконных мер принуждения к показаниям.

Не могут рассматриваться как показания сообщения, сделанные вне допроса на предварительном следствии или вне судебного следствия, в том числе сообщение, написанное на бланке протокола допроса; причем приобщение последнего к делу в качестве протокола допроса незаконно, так как их автор не допрашивался.

Оценивая содержащиеся в показаниях фактические данные, следствие и суд должны, во-первых, решить вопрос об их достоверности или недостоверности, во-вторых, определить значение фактов, установленных показаниями, для решения вопроса о том, имели ли место обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 68 УПК), и сделать из них в совокупности со всеми материалами дела вывод о доказанности или недоказанности этих обстоятельств.

Специфические черты показаний как источников доказательств проявляются в решении первого из этих вопросов.

При решении вопроса о достоверности показаний они должны быть оценены в двух аспектах. Сведения, содержащиеся в пока-

заниях, оцениваются путем сопоставления их со всеми имеющимися в деле материалами с точки зрения того, подтверждаются ли они или опровергаются ими. Вместе с тем при оценке каждого показания необходимо учитывать его индивидуальные свойства, связанные с процессуальными особенностями показаний как источников доказательств. Оба эти аспекта оценки показаний органически между собой связаны, являются двумя сторонами единого процесса их оценки. В частности вопрос о тех или иных свойствах каждого отдельного показания должен решаться на основе всех обстоятельств дела в их совокупности.

Индивидуальные свойства показаний, имеющие значение для их оценки, определяются, во-первых, содержанием сообщаемых сведений, в том числе характером их изложения (конкретностью, последовательностью и т.п.), во-вторых, условиями формирования показаний и субъективными качествами дающего их лица. Значение исследования последнего определяется тем, что оно способствует не только решению вопроса о том, имели ли место в действительности сообщаемые в показаниях факты, но и выяснению факторов, влияющих на достоверность показаний, т.е. причин, обусловивших данное содержание показаний, их достоверность или недостоверность. Между тем выявление этих причин — неотъемлемая сторона исследования вопроса о достоверности показаний.

Недостоверность показаний как обвиняемого, так и свидетеля и потерпевшего в связи с их общими специфическими чертами может быть обусловлена одинаковыми причинами.

Причиной недостоверности показаний всех этих лиц является либо преднамеренная ложь, либо добросовестное заблуждение, ошибка. Вопросы о том, является ли показание правдивым (субъективно) или преднамеренно ложным и не является ли оно результатом добросовестного заблуждения, должны быть решены при оценке показаний любого лица независимо от его процессуального положения.

При этом ложность показаний как обвиняемого, так и свидетеля и потерпевшего может быть обусловлена факторами одного и того же характера (например, заинтересованностью). Одинакового характера причинами может быть вызвано и добросовестное заблуждение любого из этих лиц (например, внушением, подменой действительного привычным). Было бы ошибочно считать, что те или иные факторы, отрицательно влияющие на полноту и достоверность показаний свидетеля, не могут быть причиной неполноты и недостоверности показаний потерпевшего или обвиняемого, и наоборот. Нельзя признать правильным, что в нашей процессуальной литературе вопросы о факторах, могущих вызвать добросовестное заблуждение, рассматриваются обычно применительно к показаниям свидетелей и потерпевших, а вопросы о факторах, могущих быть причиной ложных показаний, — применительно к показаниям обвиняемого.

Процессуальное положение допрашиваемого не предопределяет влияния на его показания тех или иных факторов и вместе с тем

не исключает возможности влияния на них каких-либо факторов. От процессуального положения дающего показания зависит в большей мере, чем какой-либо другой фактор, его отношение к делу. Однако оно является далеко не единственным обстоятельством, влияющим и на отношение к делу субъекта показаний; последнее может быть обусловлено различными причинами. Достоверность показаний любого лица зависит как от условий, в которых они формировались, так и от индивидуальных качеств дающего их лица. В показаниях, независимо от процессуального положения субъекта, так или иначе проявляется его личность.

Если же при оценке показаний того или иного лица его отношение к делу, в частности к установлению истины, и влияние на его показания тех или иных факторов предопределяется его процессуальным положением, то это неизбежно связано с формализмом и предубежденным подходом к показаниям: к показаниям обвиняемого как лица, виновного в преступлении, к показаниям потерпевшего как лица, стремящегося к осуждению обвиняемого, к показаниям свидетеля как незаинтересованного лица. Между тем это далеко не всегда соответствует действительному положению вещей и противоречит принципам, лежащим в основе доказывания, а потому является, во всяком случае с процессуальной точки зрения, неприемлемым.

Все сказанное об общих для показаний свидетеля, потерпевшего и обвиняемого специфических чертах не дает оснований умалять значение процессуальных особенностей показаний каждого из этих лиц.

Процессуальное положение лица, дающего показания, — наиболее существенный признак для дифференциации показаний. С ним связаны и психологические особенности показаний, различия между психологией свидетеля, потерпевшего и обвиняемого, отражающиеся на их показаниях. В связи с этим факторы одного и того же характера (например, заинтересованность, внушаемость и т.п.) могут иметь различное значение в процессе формирования показаний свидетеля, потерпевшего и обвиняемого и по-разному отразиться на их достоверности. На достоверность показаний могут повлиять факторы, присущие только данному виду показаний, специфичные для него.

Таким образом, при оценке показаний необходимо учитывать, что их индивидуальные свойства могут быть обусловлены как факторами, связанными с общими чертами показаний, так и факторами, специфичными для данного вида показаний.

х х х

К признакам, по которым могут быть определены индивидуальные свойства показаний (имеющие значение для их оценки), проявляющиеся в содержании сообщаемых сведений, в характере их изложения, относится следующее.

1. Возможность сообщаемых в показаниях событий и действий, а равно восприятия их дающим показание. Если возможность этого вызывает сомнения, то до тех пор, пока сомнения не устранены, показания не могут быть положены в основу обвинительных выводов.

2. Полнота, детальность и конкретность сообщаемых сведений. Расплывчатость, неконкретность, неопределенность показаний препятствует их проверке и дает основания сомневаться в достоверности, так как это может быть результатом либо отсутствия точных данных у дающего показания, либо опасения быть разоблаченным во лжи.

3. Последовательность или, наоборот, противоречивость показаний.

4. Соответствие показаний данного лица показаниям других лиц или, наоборот, противоречия между ними.

В диссертации указывается, что предметом противоречий как между показаниями различных лиц, так и в показаниях одного и того же лица могут быть разные по форме и степени связи с предметом доказывания обстоятельства, характеризуется значение противоречий в показаниях для их оценки и условия оценки противоречивых показаний как содержащих взаимоисключающие сведения, так и содержащих иного характера противоречия.

Но нельзя предустанавливать значение названных признаков. Ни конкретностью показаний и отсутствием в них противоречий, ни, наоборот, их расплывчатостью и противоречивостью не определяется достоверность или недостоверность показаний. Но если показания неконкретны, расплывчаты или противоречивы, то необходимо выяснить причины этого. В частности, при наличии противоречий как в показаниях одного лица, так и между показаниями различных лиц, не проверив и не установив причин противоречий, нельзя дать оценки показаний и положить их в основу выводов по делу. Исследование этих свойств показаний является условием их объективно правильной оценки.

1У.

С процессуальными особенностями показаний как источников доказательств связаны и индивидуальные свойства того или иного показания, обусловленные возможностью влияния на него в процессе формирования каких-либо факторов объективного или субъективного характера. Рассмотрение вопроса о процессуальных условиях и порядке исследования данных о такого рода факторах было бы беспредметным без обзора самих этих факторов. Поэтому в главе второй дан обзор факторов, могущих быть причиной заведомо ложных показаний, и факторов, могущих повлечь добросовестное заблуждение.

Правдивость или, наоборот, преднамеренная ложность показаний свидетеля или потерпевшего зависит прежде всего от его личнос-

ти. Определяющее значение в этом смысле имеют его идейно-политический и моральный облик, уровень сознательности и отношение к государственным и общественным интересам, к своим обязанностям. Никакие мотивы не могут побудить свидетеля или потерпевшего к ложным показаниям, если его моральный и общественно-политический облик, его отношение к государственным и общественным интересам, чувство долга и ответственности соответствует правовым и моральным принципам нашего общества. Все это имеет важное значение и при формировании показаний обвиняемого и соответственно влияет на их правдивость.

Ложные показания являются результатом решения дающего их лица о целесообразности по тем или иным мотивам сообщить органам расследования или суду несоответствующие действительности, вымышленные сведения или утаить какие-либо обстоятельства. Они всегда обусловлены теми или иными мотивами и направлены на соответствующую им цель, являются результатом умозаключения дающего их лица; в их формировании важное значение принадлежит волевым процессам. В формировании ложных показаний так или иначе участвуют и многие другие психические процессы, проявляются индивидуальные свойства психологического склада дающего показания.

В диссертации дается обзор различных форм ложных показаний и мотивов, которыми могут быть вызваны ложные показания, характеризуется роль умозаключений и волевых процессов в их формировании.

Факторы, могущие быть причиной добросовестного заблуждения, характеризуются в диссертации применительно к различным этапам формирования показаний: восприятия, сохранения в памяти воспроизведения (в устной форме в условиях допроса). При этом дается обзор факторов как объективного, так и субъективного характера.

Важное значение в формировании показаний имеет, в частности, специфика показаний как формы воспроизведения. Она определяется: 1) сознанием значимости своих показаний дающим их лицом и тех последствий, с которыми они могут быть связаны; 2) отношением к делу дающего показания и 3) процессуальными условиями и обстановкой допроса.

В связи с этим важнейшее значение имеет неуклонное соблюдение процессуальных норм и применение тактически правильных приемов при допросе, а также при опознании. Нарушение закона и тактические погрешности, допущенные при проведении этих следственных действий, могут повлечь за собой неполноту и ошибочность показаний, послужить источником внушения.

Необходимым условием объективно правильной оценки доказательств является понимание и уяснение показаний следователем и судом и их правильная интерпретация.

Ввиду сказанного, для определения индивидуальных свойств показания в целях его оценки необходимо исследование данных

о факторах, могущих повлиять на его достоверность в процессе формирования, и в соответствующих случаях выяснение условий, в которых протекало формирование показаний, и субъективных качеств дающего их лица.

У.

Глава третья диссертации посвящена вопросам о значении данных о факторах, влияющих на достоверность показаний, и о процессуальных условиях и порядке их исследования.

Рассмотрение первого из этих вопросов приводит к выводу, что, в одних случаях, данные об этих факторах указывают на невозможность знания лицом тех фактов, о которых он сообщает, что дает основания отвергнуть показания. В других случаях, они ставят под сомнение достоверность показаний. В третьих — объясняют причины недостоверности показаний, опровергаемых другими доказательствами.

Недостоверность показаний всегда обусловлена какими-либо причинами. В связи с этим наличие в деле данных, опровергающих те или иные показания, обязывает следователя и суд исследовать вопрос о том, какими причинами может быть обусловлена их недостоверность. В частности, версия обвинения не может быть признана доказанной, если не выяснены причины недостоверности показаний, противоречащих этой версии.

С другой стороны, данные об этих факторах могут устранить вызванное теми или иными обстоятельствами сомнение в достоверности показаний и тем самым укрепить доверие к ним.

В связи со сказанным данные о такого рода факторах могут иметь важное значение при оценке противоречивых показаний. Они могут служить выяснению причин противоречий как в показаниях одного и того же лица, так и между показаниями различных лиц.

Значение данных об этих факторах говорит о недопустимости пренебрежительного отношения к ним. Между тем, как показывает надзорная практика Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР, нередко встречаются случаи, когда при оценке показаний свидетелей, потерпевших и обвиняемых следствие и суд не выясняют причин изменения показаний, не учитывают индивидуальных свойств восприятия лица, дающего показания, избирательности восприятия и памяти и причин этого, данных, указывающих на возможность внушения дающему показания и т.п. обстоятельств. Выяснение и рассмотрение такого рода данных должно быть неотъемлемой и весьма существенной составной частью предварительного и судебного исследования обстоятельств дела. Выяснение некоторых из таких данных предписано законом (ст.ст. 72, 79, 158, 161, 163, 164, 283, 287 УПК).

Представляется необходимым предусмотреть в законе более широкие обязанности следователя и суда в этой области. Заслуживает внимания норма, содержащаяся в УПК Чехословацкой Социалистической Республики: "Свидетеля допрашивают сначала

о его отношении к расследуемому делу и к сторонам, а в случае необходимости также о других обстоятельствах, имеющих значение для установления достоверности его показаний" (п.2 ст. 101). Такого характера норму следует предусмотреть в нашем законе. Статьи УПК, регулирующие порядок допроса на предварительном следствии свидетеля и потерпевшего (ст. 158), обвиняемого (ст. 150) и допрос этих лиц на суде (ст.ст. 280 и 283), должны быть, по нашему мнению, дополнены указаниями на обязанность (соответственно) следователя и суда выяснить у дающего показания, при каких условиях сообщаемые данные были им восприняты, и иные обстоятельства, могущие повлиять на достоверность его показаний.

Исследование вопроса о факторах, могущих отразиться на достоверности показаний, представляется необходимым: 1) во всех случаях в тех пределах, в которых это определено законом; 2) при наличии противоречий в показании; 3) если сообщаемые в показаниях сведения опровергаются или ставятся под сомнение другими данными дела; 4) при оценке признания обвиняемого. Вместе с тем обязательной проверке подлежат имеющиеся в деле данные о тех или иных факторах, могущих повлиять на показания.

В связи с этим возникают следующие вопросы. Должно ли исследование данных о факторах, влияющих на достоверность показаний, подчиняться общему процессуальному режиму, установленному для собирания, проверки и оценки доказательств, или же специфика этих данных требует особого процессуального режима их исследования и оценки? Должно ли использование в уголовном процессе специальных психологических познаний подчиняться общему процессуальному режиму, установленному для реализации в уголовном процессе специальных познаний из той или иной области науки, или же специфический характер психологических познаний требует особого процессуального режима их использования?

В трудах буржуазных юристов и психологов, посвященных психологии лиц, дающих показания, либо эти вопросы оставались без рассмотрения, либо, более того, с разработкой проблем психологических исследований в уголовном процессе была связана тенденция подмены судебного исследования психологическим, в частности психологической экспертизой по вопросу о достоверности показаний и их субъективной правдивости. Эта тенденция реакционна. Ее политический смысл состоит в том, что она направлена даже против тех формальных гарантий законности и установления истины, которые провозглашаются в буржуазном уголовном процессе.

Советскую науку характеризует принципиально иное отношение к этим вопросам. В советском уголовном процессе внедрение психологических исследований, в том числе исследований данных о факторах, влияющих на достоверность показаний, требует разрешения соответствующих процессуальных вопросов, с тем чтобы обеспечить при их проведении неуклонное соблюдение законности.

Идея же замены судебного исследования психологическим, в частности психологической экспертизой достоверности показаний и их субъективной правдивости, неприемлема для советского уголовного процесса. Она несовместима с принципами подлинного демократизма и социалистической законности. Вместе с тем она не имеет оснований в тех особенностях, которые характеризуют данные о психологических факторах как доказательства, не обусловлена ими.

В советской процессуальной теории эта идея была подвергнута обоснованной критике и решительно отвергнута, но вопрос о процессуальных условиях и порядке исследования данных о факторах, влияющих на достоверность показаний, не получил достаточного освещения.

х х х
х

Специфичность данных о такого рода обстоятельствах — прежде всего в самом содержании данных, в характере этих обстоятельств. Их составляют факторы, оказавшие (или могущие оказать) влияние на психические процессы лица, дающего показания, либо факторы, относящиеся к сфере психической деятельности этого лица.

Отсюда и другие их специфические черты. Относимость такого рода данных, их значение для дела, во-первых, определяется их связью не с обстоятельствами преступления, а с условиями формирования показаний и, во-вторых, зависит от того, есть ли необходимость в исследовании таких данных для проверки и оценки показаний. Допустимость данных о психологических факторах определяется не только законностью источника и способа их получения, но и возможностью использования их с идеологической, моральной и научной точек зрения; данные о факторах, влияние которых на достоверность показаний не может быть определено, недопустимы.

Особенности этих данных не обуславливают необходимости в специальном процессуальном режиме их исследования. Оно должно подчиняться общему для собирания и исследования всех доказательств процессуальному режиму.

Данные об этих факторах могут быть положены в основу выводов по делу, если они отвечают следующим условиям.

Данные, на основе которых устанавливаются факторы, могущие повлиять на достоверность показаний, должны быть получены и исследованы в порядке, предусмотренном законом для собирания и исследования доказательств. Эти данные должны быть получены либо из предусмотренных законом источников доказательств при помощи регулируемых законом процессуальных способов, т.е. следственных действий (в суде судебно-следственных), либо путем непосредственного восприятия их следователем и судьями в надлежащих процессуальных условиях при проведении соответствующих следственных действий (например, следственного эксперимента). Никакие внепроцессуальные способы здесь, как и вообще в доказывании, неприемлемы.

Факторы, влияющие на достоверность показаний, могут устанавливаться как прямыми, так и косвенными доказательствами. Вместе с тем возможны и такие факторы, которые не требуют доказывания.

В основу решения по делу могут быть положены данные только о таких факторах, влияние которых на достоверность показаний может быть определено при современном уровне развития науки, в первую очередь, судебной психологии.

Данные о тех или иных факторах, влияющих на достоверность показаний, могут быть положены в основу обвинительных выводов, если они получили объективное подтверждение, если их достоверность установлена с несомненностью. Здесь, как и вообще в доказывании, факты не могут быть подменены догадками и предположениями. В частности, они не могут быть подменены рассуждениями и умозаключениями психолога, сколь бы они ни казались логичными и убедительными.

Но наличие того или иного из этих факторов само по себе не дает оснований сделать вывод о недостоверности показания. Для того чтобы сделать такой вывод, необходимо установить причинную связь между этим фактором и содержанием показаний, причинную обусловленность такого содержания показаний этим фактором, а не другими причинами.

Причем условия, при которых показания могут и должны быть отвергнуты, различаются в зависимости от того, содержатся ли в них обвинительные или оправдательные данные. В соответствии с презумпцией невиновности "все сомнения в отношении доказанности обвинения, если их не представляется возможным устранить, толкуются в пользу подсудимого"^{1/}. Поэтому если проверка данных о факторах, влияющих на формирование показаний, не устраняет сомнений в их достоверности, то такие показания не могут быть использованы как доказательства обвинения. Сомнения же в достоверности показаний, говорящих в пользу обвиняемого, не дают оснований их отвергнуть. Для того чтобы отвергнуть такие показания, необходимо установить, что 1) указанные факторы действительно имели место и 2) причинную обусловленность показаний этими факторами. В противном случае вывод о недостоверности показания будет иметь предположительный характер, а следовательно, сомнения в доказанности обвинения останутся неустранными.

Ясно, что причинная связь между факторами, могущими повлиять на достоверность показаний, и содержанием показаний может быть установлена лишь путем опосредствованного познания. Наличие такой причинной связи органы следствия и суд могут установить

1/ Постановление Пленума Верховного Суда СССР "О судебном приговоре" от 30/УП-1969 г. "Бюллетень Верховного Суда СССР", 1969, № 4, стр. 10.

путем умозаключения на основе совокупности фактов, связанных с процессом формирования показаний и с самим содержанием показаний.

Возможны случаи, когда причинная связь выступает со всей очевидностью. Но такие случаи относительно редки.

х х х

Важное значение в связи с исследованием таких данных может иметь применение звукозаписи при допросе. Она может способствовать уяснению показаний, выяснению обстановки и условий, в которых проходил допрос, фиксации вопросов, поставленных перед допрашиваемым, их содержания и формы, а следовательно, и проверке допустимости поставленных вопросов, а также выяснению соотношения между поставленными вопросами и показаниями.

Давая оценку звукозаписи, нельзя сделать вывода о ее достоверности, не убедившись в том, что она проведена в полном соответствии с законом и в технически правильных условиях.

х х х

Психологические познания реализуются в уголовном процессе следующими путями: 1) посредством закрепления в законе в качестве процессуально-правовых норм ряда положений, имеющих значение с психологической точки зрения; 2) при помощи использования судьями, прокурором, следователем, а также адвокатом своих познаний (так называемых "частных познаний судьи") в процессе исследования и оценки показаний; 3) путем психологической экспертизы и привлечения психолога к участию в следственном действии в качестве специалиста.

Использование специальных познаний психолога при исследовании и оценке показаний должно подчиняться общему порядку, установленному для применения специальных познаний в уголовном процессе. Предложение о внедрении психологической экспертизы по вопросам достоверности показаний и их субъективной правдивости или ложности, отвергнутое в нашей процессуальной литературе, неприемлемо. Это привело бы к переложению следователем и судом своих функций по оценке доказательств на экспертизу и было бы связано со свертыванием процессуальных гарантий установления истины. Но этим не исчерпывается вопрос о психологической экспертизе. Для установления обстоятельств, выяснение которых требует специальных познаний психолога, она может и должна применяться в пределах, предусмотренной законом компетенции экспертизы. Характер вопросов, для разрешения которых следственным и судебным органам следует обращаться к психологической экспертизе, должен быть определен совместными усилиями юристов и психологов. Возможно и целесообразно и участие психолога в следственном действии в качестве специалиста в соответствии с

нормами закона, регулируемыми условия привлечения специалиста, его обязанности и права.

х х х

Показания свидетеля, потерпевшего и обвиняемого оцениваются судом, прокурором и следователем по внутреннему убеждению в соответствии со ст. 71 УПК. Это относится как к решению вопросов о достоверности данного показания, так и к оценке с этой точки зрения характеризующих его признаков (конкретности, последовательности и т.п.) и данных о факторах, могущих отразиться на достоверности показаний.

В соответствии с принципом, закрепленным в ст. 71 УПК, в оценке всего этого, как и вообще в оценке доказательств, суд прокурор и следователь свободны, т.е. они не связаны какими бы то ни было правилами, предусматривающими силу доказательств и предопределяющими значение в этом смысле тех или иных особенностей доказательств и их индивидуальных свойств. Принцип, закрепленный в ст. 71, характеризует вместе с тем самостоятельность и объективность суда, прокурора и следователя в оценке доказательств и их убежденность в правильности своих выводов. Этот принцип несовместим с формализмом и предубежденностью в отношении к доказательствам.

1134 В оценке показаний нельзя исходить из каких-либо априори выработанных положений, предусматривающих доказательственную силу того или иного вида показаний или преимущества одного вида показаний перед другими.

Показание любого лица, независимо от его процессуального положения и связанных с ним особенностей, каждый вид показаний, в том числе признание обвиняемого, является обычным, выражаясь фигурально, рядовым источником доказательств и подлежит оценке на общих основаниях.

Нельзя придавать предустановленного значения и тем или иным признакам показаний (противоречивости или, наоборот, последовательности и согласованности и т.п.) как показателям их достоверности или недостоверности (если они не исключают возможности знания лицом сообщаемых им сведений).

Формализм и предубежденность недопустимы и в отношении факторов, могущих отразиться на показаниях в процессе их формирования. Решение вопросов о наличии того или иного фактора, о влиянии его на показания не может предопределяться ни процессуальным положением субъекта показаний, ни какими-либо другими признаками, характеризующими субъекта показаний и условия их формирования. Никакие теоретически или эмпирически разработанные положения не могут рассматриваться как непреложные правила, определяющие значение тех или иных факторов и их влияние на достоверность показаний, не могут предопределять отношения к этому фактору при оценке показаний, создавать предубеждение,

презумпцию. Это относится и к данным, полученным в результате экспериментов или обобщения следственной и судебной практики.

При оценке значения тех или иных факторов и влияния их на показания, как и вообще в оценке доказательств, необходимо учитывать возможность не только распространенных или обычных, но и редких, необычных, маловероятных ситуаций, нельзя забывать, что такая ситуация не исключена. Версия, положенная в основу обвинения, не может признаваться доказанной, пока не опровергнуты все иные версии, в том числе маловероятные.

Все указанные вопросы должны решаться сообразно с обстоятельствами данного дела, и убеждение по каждому из них должно отвечать требованиям ст. 71 УПК.

У1.

Последующие три главы посвящены исследованию особенностей показаний свидетеля (гл. 1У), потерпевшего (гл. У) и обвиняемого (гл. У1) и их оценке.

В связи с тем, что показания свидетеля, потерпевшего и обвиняемого рассматриваются как разновидность общего понятия "показания", важное значение имеет вопрос о системе признаков, по которым следует проводить различия между показаниями каждого из названных лиц. В диссертации эти различия проводятся по совокупности трех признаков: 1) по субъекту, 2) по процессуальной природе и 3) по предмету (содержанию).

Показания различаются по правовому положению в процессе их субъекта. В отличие от свидетеля, потерпевший и обвиняемый — участники процесса. Значительные различия есть и между положением потерпевшего и обвиняемого.

Для характеристики различий в правовом положении названных лиц существенно, в частности, то, что для свидетеля дача показаний является обязанностью, для потерпевшего — не только обязанностью, но и правом, а для обвиняемого — только правом, но не обязанностью. В связи с этим обвиняемому, а также потерпевшему должна быть обеспечена возможность дать показания и сообщить все, что он сочтет необходимым. Следовательно и суд не вправе воспрепятствовать обвиняемому или потерпевшему сообщить те или иные данные по тем мотивам, что они не имеют значения для дела, или не удовлетворить ходатайство о допросе. Обвиняемый вправе давать показания в любой момент судебного следствия. Обвиняемому должна быть обеспечена добровольность дачи показаний на предварительном следствии и в суде.

Не меньшее значение для характеристики различий показаний по субъекту имеет его отношение к делу. Если процессуальное положение лица, дающего показания, является далеко не единственным обстоятельством, определяющим его отношение к делу, а равно возникновение и развитие других факторов, влияющих на показания, то, разумеется, оно имеет существенное значение в этом

смысле. Вместе с тем от процессуального положения субъекта показаний могут зависеть направленность интересов, форма проявления заинтересованности, ее степень, а равно влияние на показания его заинтересованности. От его положения в процессе может зависеть форма проявления и других факторов, могущих отразиться на достоверности показаний, форма и степень влияния на них тех или других факторов.

Различие между показаниями названных лиц выражается и в их процессуальной природе. Показания свидетелей – только источник доказательств. В отличие от них показания потерпевшего и показания обвиняемого – не только источник доказательств, но и средство защиты ими своих прав и интересов в деле; причем и они отличаются друг от друга в этом смысле. Использование показаний как средства защиты не может не отразиться на направленности показаний, на их содержании.

Отсюда и различия в предмете (содержании) показаний. Предметом свидетельских показаний являются только фактические данные. Предметом же показаний потерпевшего и обвиняемого могут быть не только фактические данные, но и объяснения фактов, доводы, предположения (версии). Если последние не имеют доказательственного значения, то они влияют на пределы исследования обстоятельств дела, так как не могут быть отвергнуты без достаточных к тому оснований и обязывают органы расследования и суд к их проверке. Различие в предмете показаний может выражаться и в отношении сообщаемых сведений к поступкам и интересам дающего показания.

x x
 x

В главе 1У характеризуется субъект и процессуальная природа свидетельских показаний и рассматривается вопрос об их предмете. Особенности свидетельских показаний по всем этим признакам определяются их назначением: лицо вызывается в качестве свидетеля для того, чтобы сообщить известные ему фактические сведения.

Здесь же дается характеристика значения особенностей показаний свидетеля как для решения вопроса о том, не повлекло ли неполноты исследования отсутствие в деле показаний того или иного свидетеля, так и вопроса о достоверности показаний. Процессуальное положение свидетеля само по себе, в отличие от положения обвиняемого и потерпевшего, не может (как правило) отразиться на отношении свидетеля к делу или породить иные факторы, отрицательно влияющие на достоверность показаний, или стимулировать их развитие, или способствовать их отрицательному влиянию на показания. Не может отрицательно отразиться на направленности и точности показаний свидетеля и их процессуальная природа (заинтересованность свидетеля и иные факторы, отрицательно влияющие на его показания, могут обуславливаться об-

стоятельствами, лежащими вне сферы процессуальных отношений).

Относительно доказательственного значения умозаключения свидетеля в нашей литературе нет единства взглядов. Нельзя согласиться ни с теми, кто отрицает доказательственное значение любых умозаключений свидетеля, ни с теми, кто, возражая против такой точки зрения, признает за ними доказательственное значение, не дифференцируя их. В свою очередь требуют конкретизации и уточнения те положения, которые высказываются в связи с необходимостью дифференцированного подхода к умозаключениям свидетеля.

Следует различать умозаключения свидетеля о наличии или отсутствии фактов, им не воспринятых или забытых, сделанные на основе других известных ему фактов, и умозаключения о фактах, воспринятых свидетелем и сохранных в памяти. Первые из них являются предположениями, лишены доказательственного значения и должны быть отсеяны. Значение могут иметь лишь сведения свидетеля о фактах, на которых основаны его умозаключения.

Иное значение имеют умозаключения о воспринятых и сохранных в памяти фактах, умозаключения оценочного характера. Они сопутствуют восприятию и формированию представлений, являются составной частью этих процессов. Знание свидетелем фактов включает такие умозаключения. Причем показания о весе, времени, расстоянии, скорости и других обстоятельствах, зависящих от единиц измерения, а также характеристика личности всегда связаны с такими умозаключениями.

Показания свидетеля, являющиеся результатом такого рода умозаключений, с точки зрения доказательственного значения не отличаются от всякого иного свидетельского показания. Как и всякое суждение свидетеля, они могут быть истинными или ложными и подлежат проверке и оценке. Признав такие показания достоверными, следователь и суд кладут в основу своих выводов не отдельные признаки, по которым свидетель определил свойства сообщаемых предметов и явлений, а сообщенные им данные как таковые.

Предметом свидетельских показаний могут быть такие факты, восприятие и понимание которых требует специальных познаний. И здесь следует различать показания свидетеля относительно воспринятых им фактов и показания о фактах, о которых он сделал вывод, не воспринимая их. В первом случае показания свидетеля, обладающего специальными познаниями, ничем с процессуальной точки зрения не отличаются от показаний всякого иного свидетеля, но характеризуются большей глубиной и полнотой. Во втором же случае они являются своеобразным видом свидетельских показаний. Основанные на специальных познаниях умозаключения свидетеля далеко не всегда могут быть отсеяны, а должны получить оценку по существу. Но они не могут служить и достаточным основанием для вывода о соответствующих фактах: показания свидетеля, обладающего специальными познаниями, не освобождают

от необходимости назначения экспертизы и не заменяют ее заключения. Это объясняется отличием свидетельских показаний от заключения экспертизы.

В надзорной практике Верховного Суда СССР и в процессуальной литературе неоднократно указывалось на недопустимость допроса в качестве свидетеля лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, а равно такое проведение допроса свидетеля, при котором он по существу не отличается от допроса подозреваемого или обвиняемого. Сведения, сообщенные в условиях такого допроса, не могут быть, по нашему мнению, использованы как обвинительные доказательства против давшего показания.

В связи с этим возникает вопрос о том, могут ли составлять предмет показаний свидетеля обстоятельства, связанные с его поступками и действиями, в том числе указывающие на его причастность или непричастность к преступлению. Обоснованность упомянутых указаний, содержащихся в определениях Верховного Суда и в литературе, не вызывает сомнений, но ими нельзя ограничиться. Представляется необходимым рассмотреть этот вопрос в трех аспектах, с точки зрения: 1) обязанностей свидетеля, 2) его прав, 3) прав допрашивающего лица.

Обязанность свидетеля дать показания, а равно его ответственность за отказ от дачи показаний и за ложные показания, не следует распространять на обстоятельства дела, уличающие его самого в преступлении. Никто не может быть обязанным изобличить самого себя. Такой обязанности и такой ответственности не знают подозреваемые и обвиняемые. Нельзя обязывать и свидетеля к самообличающим показаниям, да еще под страхом уголовной ответственности.

За свидетелем следует закрепить право отказаться давать показания в таких обстоятельствах. Это право широко известно законодательству зарубежных социалистических государств; соответствующие нормы знает и история нашего законодательства. Представляется необходимым предусмотреть в нашем законе, 1) что ответственность свидетеля за отказ от дачи показаний и за ложные показания не распространяется на показания об обстоятельствах, указывающих на его виновность в преступлении, 2) право свидетеля отказаться от дачи показаний по указанным обстоятельствам и от ответа на соответствующие вопросы, 3) обязанность лица, производящего расследование, и суда разъяснить свидетелю это право, 4) последствия, которые влечет за собой неразъяснение свидетелю названного права; следует установить, что это лишает значения показания по указанным обстоятельствам.

С другой стороны, было бы неправильно считать, что свидетель не вправе давать показания по этим обстоятельствам. Если свидетель в процессе допроса найдет нужным сообщить обстоятельства, уличающие его в преступлении, и, более того, сообщить о совершенном им преступлении или, наоборот, сообщить данные, опровергающие обвинение, которое, по его мнению (правильному

или неправильно), ему угрожает, то нет правовых оснований препятствовать этому,

Производящий расследование не вправе, во-первых, допрашивать как свидетеля лицо, являющееся согласно ст. 52 УПК подозреваемым, и лицо, в отношении которого собрано достаточно доказательств для привлечения в качестве обвиняемого, во-вторых, ни при каких обстоятельствах и ни в какой форме использовать допрос лица в качестве свидетеля как средство его изобличения в расследуемом преступлении и, в-третьих, ставить вопросы свидетелю, содержащие в какой-либо форме утверждение о его виновности.

Но это не означает, что свидетель не может быть допрошен об его поступках и действиях, связанных с расследуемым преступлением, об обстоятельствах, указывающих на его причастность или непричастность к преступлению. При соблюдении названных условий допрос о таких обстоятельствах правомерен. Он может быть необходим, например, в тех случаях, когда в преступлении участвовало лицо, не подлежащее уголовной ответственности или освобожденное от нее (например, по п.п. 3, 4, 5 ст. 5, ст.ст. 6-9 УПК). Вместе с тем в начале расследования нередко возникает необходимость в допросе лица, виновность которого вероятна, например, по делам об убийстве в драке с большим количеством участников, по делам о должностных и хозяйственных преступлениях и многим другим. Причем при допросе этих лиц нередко необходима постановка вопросов о поступках допрашиваемого, связанных с обстоятельствами расследуемого преступления. Запрет допроса таких лиц как свидетелей (если они не являются согласно ст. 52 УПК подозреваемыми) из опасения того, что они могут впоследствии оказаться обвиняемыми, был бы неправилен. Он привел бы либо к неосновательному привлечению в качестве подозреваемых, либо к неполноте и односторонности расследования.

Более того, это могло бы препятствовать обоснованному разрешению вопроса о привлечении в качестве обвиняемого. Далекое не всегда возможно сделать объективно правильный вывод о том, есть ли достаточно доказательств для предъявления обвинения тому или иному лицу, не выслушав его и не располагая его показаниями. Допрос может способствовать обнаружению данных, указывающих на его непричастность к преступлению, т.е. ограждению невиновного от необоснованного привлечения к ответственности и обнаружению преступника.

Обстоятельства, указывающие на причастность или непричастность свидетеля к расследуемому преступлению, могут составлять предмет его показаний, и если допрос был проведен без нарушений закона, то показания об этих обстоятельствах подлежат оценке на общих основаниях.

УП.

Показаниям потерпевшего посвящена пятая глава. Рассмотрение особенностей показаний потерпевшего приводит к выводу, что они

занимают самостоятельное место среди источников доказательств и дает основания не согласиться с мнением, что они являются разновидностью свидетельских показаний.

В этой главе рассматриваются условия, при которых лицо согласно закону признается потерпевшим, так как без этого нельзя дать характеристики его отношения к делу. В этой связи надо учитывать, что процессуально-правовое положение потерпевшего занимает лицо, признанное таковым в процессе производства по делу, в то время как здесь вопрос о причинении ему вреда преступлением может быть решен лишь предположительно.

В диссертации оспаривается взгляд тех авторов, по мнению которых потерпевший является лицом, всегда заинтересованным в осуждении обвиняемого (по утверждению одних) или в осуждении виновного (по утверждению других). Такая характеристика отношения к делу потерпевшего имела бы под собой почву, если бы признание лица потерпевшим обуславливалось его ходатайством и зависело от его позиции в процессе. При существующем же порядке это правильно лишь применительно к делам так называемого частного обвинения. Представляется недостаточно полным и предлагавшееся в литературе разграничение показаний потерпевшего на две группы в зависимости от его отношений с обвиняемым.

Изучение практики показывает, что отношение к делу потерпевшего как по направленности его интересов, так и по форме и степени заинтересованности весьма многообразно в своем проявлении. Это выражается и в отношении потерпевшего к установлению истины. В одних случаях он заинтересован в установлении истины. В других — относится к этому безразлично. В третьих — он заинтересован в том, чтобы воспрепятствовать раскрытию преступления и установлению виновных, в четвертых — в установлении обстоятельств, заведомо для него не соответствующих действительности. В диссертации указываются причины, которыми может определяться отношение потерпевшего к делу,

Процессуальным положением потерпевшего не предопределяется его отношение к делу, а его заинтересованностью — достоверность показаний. И далеко не всегда заинтересованность порождает ошибки в показаниях. Более того, встречаются такие ситуации, когда заинтересованность потерпевшего в наказании преступника побуждает его к особой точности, тщательности. Вывод о причинной обусловленности показаний потерпевшего его заинтересованностью должен иметь достаточные основания в материалах дела.

Следует учитывать и процессуальное положение потерпевшего, отличие в этом смысле потерпевшего от свидетеля. Право потерпевшего на ознакомление с материалами дела по окончании предварительного следствия может отразиться на его показаниях в суде. Положение потерпевшего как участника судебного разбирательства, активная защита им своих интересов в суде в силу

"логики борьбы" могут придать соответствующую направленность его показаниям.

Значение может иметь и та обстановка, в условиях которой было совершено посягательство на потерпевшего, и его реакция на преступление. Это может отразиться на достоверности восприятия, а также на процессах сохранения в памяти и воспроизведения.

Потерпевший, если он глубоко переживает происшедшее или если он ищет удовлетворения своих интересов, в большей мере, чем свидетель, подвержен внушению как со стороны окружающих его, в первую очередь близких ему лиц, так и в особенности со стороны следователя. В то же время в отношении потерпевшего в большей мере, чем в отношении свидетеля, вероятно стремление воздействия со стороны близких ему или заинтересованных в деле лиц.

Наконец, по некоторым категориям дел (в частности о половых преступлениях) на полноте и достоверности показаний потерпевшего может отразиться чувство стыда и опасения за свою репутацию, а также характер взаимоотношений с обвиняемым.

Ущ.

Особенности показаний обвиняемого рассмотрены в главе шестой.

Особенности субъекта показаний характеризуются в диссертации по его процессуальному положению и по роли в процессе, по отношению к делу и по своей осведомленности. Положением обвиняемого обуславливаются особенности его показаний и по процессуальной природе, и по предмету.

Важное значение для оценки показаний обвиняемого имеет правило о недопустимости переложения на него обязанности доказывания. Если обвиняемый не доказал своей невиновности, то это не служит доказательством его вины. Органы расследования прокурор и суд обязаны по своей инициативе проверить все те аргументы, которые приводит обвиняемый, и все обстоятельства, на которые он ссылается. Они не вправе отвергнуть утверждения обвиняемого, если они не опровергаются материалами дела.

Среди факторов, влияющих на достоверность показаний обвиняемого, связанных с их особенностями, наибольшее значение имеет отношение обвиняемого к делу. Заинтересованность обвиняемого по своей форме и степени не сравнима с заинтересованностью любого другого лица (кроме подозреваемого), не опасющегося ответственности за расследуемое преступление. Однако и здесь формальный подход и предубеждение недопустимы.

Заинтересованность обвиняемого, виновного в преступлении, далеко не всегда побуждает его к ложным показаниям. Он может считать, что в его интересах признание вины и откровенные показания. Позиция виновного нередко определяется и более высокими соображениями, чем стремление избежать ответственности. С другой стороны, возможны самоговор и другие формы ложных показаний невиновного.

На показаниях обвиняемого могут отразиться его интересы, связанные не только с исходом дела, но и с самим процессом производства и обусловленными им тяготами, в особенности если он содержится под стражей. Во имя таких интересов он может пойти на неблагоприятные для него показания.

Заинтересованность может быть причиной и произвольного извращения действительности, ее односторонней окраски.

Но заинтересованность не устраняет значения других факторов, могущих повлиять на достоверность показаний, всех иных мотивов.

В формировании показаний обвиняемого, как и любого лица, участвуют все стороны его психики, его личность, как единое целое.

Виновность в преступлении не лишает значения в процессе формирования показаний обвиняемого его мировоззрения и морального облика и не ставит обвиняемого вне влияния идеологии и правосознания нашего общества, его политических, идеологических, правовых и нравственных принципов. Все это так или иначе отражается на формировании показаний обвиняемого, в той или иной форме и степени оказывает влияние на них, а в ряде случаев играет решающую роль, приводя обвиняемого к чистосердечному раскаянию и в связи с этим к откровенным показаниям. Вместе с тем нельзя забывать, что лицо, привлеченное в качестве обвиняемого, может быть в действительности непричастно к преступлению.

На формировании показаний обвиняемого могут отразиться все те факторы, которые влияют на достоверность показаний любого лица.

Формы и степень влияния всего этого, в том числе и заинтересованности обвиняемого, на его показания зависит как от того, виновен ли он в действительности или нет в инкриминируемом ему преступлении, так и от общественной опасности этого преступления, его тяжести, от сложившейся по делу ситуации, от общественного резонанса дела, от личности обвиняемого и от других причин.

В соответствии с изложенными положениями в диссертации рассматриваются вопросы оценки различных видов показаний обвиняемого: 1) признающего себя виновным, т.е. признания обвиняемого, 2) не признающего себя виновным и 3) показаний относительно других лиц.

Показания обвиняемого не могут классифицироваться на обвинительные и оправдательные в зависимости от того, признает ли он себя виновным или нет. В показаниях обвиняемого, признавшего себя виновным, могут содержаться данные, говорящие в его пользу, а в показаниях обвиняемого, не признающего себя виновным, — обвинительные доказательства. Показания должны оцениваться по существу содержащихся в них фактических данных.

Положительный ответ обвиняемого на вопрос, признает ли он себя виновным, не предопределяет доказательственного значения его показаний. Если обвиняемый не сообщает изобличающих его данных, то его показания, несмотря на такой ответ, лишены значения как доказательства обвинения.

Фактические данные, сообщаемые в таких показаниях, подлежат оценке наравне со всеми другими доказательствами. "Признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу" (ч. П ст. 77 УПК). Самооговор обвиняемого возможен по самым различным, подчас неожиданным и трудно уловимым причинам.

Было бы неправильно считать, что эта норма выражает отношение к признанию обвиняемого как к неполноценному источнику доказательств и устанавливает особые правила, предопределяющие его доказательную силу. Наоборот, эта норма есть конкретизация общих для исследования и оценки всех источников доказательств требований применительно к признанию обвиняемого (см. УПК Азербайджанской ССР, ст. 72, УПК Узбекской ССР, ст. 57). Эта норма направлена на предотвращение встречающегося в практике неправильного отношения к нему (как к лучшему доказательству). Если в УПК ряда союзных республик отсутствует такая норма, то это, конечно, не значит, что в уголовном процессе этих республик сознание обвиняемого имеет иное доказательственное значение, чем в РСФСР.

Признание обвиняемого не освобождает следствие и суд от дальнейшего собирания и исследования доказательств, от обязанности полного и всестороннего исследования обстоятельств дела. Каждое обстоятельство, сообщенное обвиняемым, относящееся как к объективной, так и к субъективной стороне преступления, должно быть проверено посредством других доказательств и не может быть положено в основу обвинения, если оно не получило подтверждения. Сказанное в полной мере относится и к показаниям обвиняемого, данным при выходе на место преступления. Они нуждаются в проверке посредством других доказательств и оцениваются на общих основаниях, как и всякое иное признание.

Но, с другой стороны, неправильно принижать значение показаний обвиняемого, признающего себя виновным, как для расследования, так и при оценке доказательств при принятии решений по делу.

Показания обвиняемого, не признающего себя виновным, могут иметь различное доказательственное содержание и значение. Они различаются в зависимости от следующего: 1) подтверждает ли обвиняемый те фактические обстоятельства, которые содержатся в предъявленном ему обвинении, оспаривая лишь его правовую оценку, или отрицает их; 2) ограничивается ли обвиняемый (в первом случае) подтверждением тех или иных инкриминируемых ему фактов и действий, их признанием или же подробно излагает связанные с ними обстоятельства; 3) оспаривает ли обвиняемый наличие самого преступного деяния и совершение им этого деяния или же, признавая факт его совершения, отрицает те или иные обстоятельства, при отсутствии которых это действие не может быть поставлено ему в вину; 4) ограничивается ли обвиняемый отрицанием тех или иных фактов или действий, поставленных ему в вину, или же в

опровержение выводов обвинения приводит новые, еще не установленные обстоятельства; 5) приводит ли обвиняемый в опровержение обвинения какие-либо доводы и соображения, выдвигает ли новые версии.

В показаниях обвиняемого, не признающего себя виновным, могут содержаться данные об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, о доказательственных фактах, сведения, способствующие собиранию и проверке других доказательств. Причем в них могут содержаться не только оправдывающие обвиняемого, но и обвинительные доказательства.

Показания обвиняемого, не признающего себя виновным, должны быть тщательно и всесторонне проверены. Игнорирование этих показаний или предвзятое недоверие к ним противоречит закону (ст.ст. 69-71 УПК) и недопустимы. Ни один факт, приведенный обвиняемым в свою защиту, а также его доводы и объяснения не могут быть отвергнуты без достаточных к тому оснований. Данные же обвинительного характера могут быть положены в основу выводов следствия и суда, если они нашли подтверждение в совокупности материалов дела.

Проверке подлежат и доводы обвиняемого, его версии, если они не опровергаются имеющимися в деле материалами.

В диссертации рассматриваются вопросы оценки показаний обвиняемого, частично признающего и частично не признающего себя виновным, и оценки показаний обвиняемого при их изменении — в случаях отказа обвиняемого от своего признания и в других.

В практике возникает иногда необходимость допроса осужденного (при расследовании и рассмотрении дела о других лицах) относительно обстоятельств, связанных с преступлением, за которое он осужден, в частности об его соучастниках.

Допрос осужденного в таких случаях в качестве свидетеля неправилен, так как 1) он привлечен в качестве обвиняемого за совершение рассматриваемого преступления и осуждение не может превратить его в свидетеля; 2) он давал показания об обстоятельствах этого преступления как обвиняемый, что не может не отразиться на его показаниях по новому делу и 3) осуждение не устраняет его заинтересованности в исходе дела, так как он может (смотря по обстоятельствам) опасаться или надеяться, что рассмотрение нового дела повлечет пересмотр вынесенного в отношении него приговора, причем возможны такие случаи, когда вероятность этого действительно не исключена.

Поэтому не следует ни предупреждать его об ответственности по ст. ст. 181 и 182 УК и подходить к оценке его показаний, как показаний свидетеля, ни лишать его права активного участия в исследовании доказательств для защиты в случае надобности своих интересов. Но, с другой стороны, нет необходимости и нецелесообразно распространять на этих лиц все гарантии обвиняемого (например, ст. 49 УПК).

Представляется необходимым законодательно урегулировать положение этих лиц в процессе, предусмотрев, что они не предупреждаются об ответственности по ст.ст. 181 и 182 УК, и предоставив им право активного участия в судебном следствии.

Список опубликованных работ по теме
диссертации

1. Показания свидетелей и потерпевших. Изд-во МГУ, 1968; объем 8 п.л.
2. Показания обвиняемого как источник доказательств в советском уголовном процессе. Изд-во МГУ, 1963, объем 5 п.л.
3. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. Изд-во МГУ, 1960; гл. 1 и гл. 3; объем 4 п.л. (общий объем монографии 10,75 п.л.).
4. Доказательства в советском уголовном процессе; гл. 5 учебника "Советский уголовный процесс" под ред. проф. Д.С.Карева, М. "Высшая школа", 1968, объем 4,5 п.л.
5. Виды доказательств в советском уголовном процессе; гл. 4 учебника "Советский уголовный процесс" под ред. проф. Д.С.Карева, М., Госюриздат, 1956; объем 1,6 п.л.
6. Виды доказательств в советском уголовном процессе; гл. 4 пособия "Советский уголовный процесс" под ред. Д.С.Карева, М., Госюриздат, 1953; объем 1,5 п.л.
7. Виды доказательств в советском уголовном процессе; гл. 5 учебника по советскому уголовному процессу, сткл.изд. МЮИ, 1951; объем 4,5 п.л.
8. Собираание и оценка доказательств; гл. 4 пособия для прокуроров "Руководство и надзор за расследованием", М., Юриздат, 1947; объем 2,4 п.л.
9. Оценка доказательств в практике Верховного Суда СССР; гл. 3 монографии "Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР", М., Госюриздат, 1955; объем 5,5 п.л.
10. Предмет и природа истины в советском уголовном процессе; выступление на симпозиуме философского и юридического факультетов МГУ. "Вестник Московского университета", серия экономика, философия, 1963, № 4, стр. 60; объем 0,7 п.л.
11. Оценка показаний свидетелей. "Вестник Московского университета", серия право, 1966, № 4; объем 0,7 п.л.

12. Предмет (содержание) свидетельских показаний в советском уголовном процессе. "Вестник Московского университета", серия право, 1967, № 2; объем 0,7 п.л.

13. Показания потерпевшего и их оценка. "Правоведение", 1967, № 2; объем 0,6 п.л.

14. Рецензия на книгу В.З.Лукашевича "Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе", "Вестник Московского университета", серия право, 1961, № 2; объем 0,4 п.л.

Л. 95475 Тир. 250 экз. Зак. 231

Ротапринт ЭТПК